

Тонкий палец с накрашенным ногтем нажал на потёртую кнопку дверного звонка. Дверь открыл помятого вида немолодой мужчина, в белой замызганной майке и потёртых синих тренировочных штанах.

— Да? Вам кого? — изумлённо проговорил он, воззрившись на незнакомку.

Не говоря ни слова, девушка переступила порог квартиры.

— Ну, что встал, поухаживай за девушкой — проговорила незнакомка, снимая плащ.

— Тонька, ты что ли? — удивился мужчина, подхватывая плащик и вешая его на крючок.

В ярко накрашенной девушке он не сразу узнал ту самую Антонину, посудомойку, когда-то работавшую в его буфете на станции. Которую он уволил.

— Ты один? — не отвечая, спросила она, поочерёдно заглянув на кухню и в комнату.

— Один. А ты зачем пришла? — неуверенно протянул Семён Семёныч, убирая со стола пустые бутылки.

Он не верил своим глазам. Всегда такая тихая, скромная, нынешняя Тоня совершенно не была похожа на себя. Да ещё и этот вызывающий макияж.

— Мне нужны деньги — проговорила девушка, сев на продавленный диван, закинув ногу на ногу.

— У меня нет денег — проговорил мужик, разведя руками.

— Помнишь, как тогда, в бытовке... Я тогда успела убежать, или как ты раз за разом предлагал проводить меня, безумными глазами поедая всю меня... — продолжила девушка, глядя на Семён Семёныча широко раскрытыми глазами.

— Ты получил чего хотел — проговорила Антонина, сев ровнее и сняв через голову чёрный свитер, — я сама к тебе пришла.

Встала, в джинсах и футболке, сделала шаг к мужчине.

— Ты же так долго этого ждал, хотел — сказала она, подойдя вплотную к мужику.

— Я, я сейчас... — взволновано проговорил Семён Семёныч, отошёл от девушки, дрожащими руками вытащил из ящика комода помятую тысячную купюру.

— Вот, всё что я могу дать — проговорил мужик, показав Тоне деньги.

— Положи на стол — показала она глазами и подошла к мужчине.

— Как ты хочешь это сделать? Скажи мне — Тоня провела ладонью по его чуть заметному бугорку на штанах.

— Вот так — возбуждённо прорычал Семён Семёныч, толкая девушку к дивану, — вот так! Как всегда и хотел!

Не ожидав такого, Антонина пронзительно вскрикнула.

Поставив девушку на колени на диване, головой к стене, хлопнул рукой по её ягодицам и, обхватив за бёдра, принялся судорожно расстёгивать её джинсы. Тоня упёрлась руками в стену, опустила голову. Трусики вместе с джинсами упали к коленям, Семён Семёныч жадно присосался губами к Тониной ягодице, яростно зачмокал. Девушка сильнее упёрлась руками в стену, зажмурила глаза. Безумец раздвинул ягодицы руками, погрузив между ними своё мокрое лицо. Неистово заработал языком. Пытаясь скрыть гримасу отвращения, девушка ещё ниже опустила лицо, пытаясь отрешиться от всего этого. Унижения, стыда, отчаяния, того, что сама сюда пришла, предложив себя, практически навязав. Вспомнила о том машинисте,

Максима, встретятся ли они? И если да, как она будет смотреть ему в глаза после всего этого? Тоня почувствовала, как что-то липкое и полумягкое упёрлось ей сзади в промежность.

— Ну, помоги что-ли, а? — услышала она возбуждённый шёпот, мужчина наваливался на неё всем телом.

Оттолкнувшись от стены, развернулась, села на диван. Член у Семён Семёныча стоял, но как-то слабо, дряхло. Сглотнув, Тоня взяла его в руку, придвинулась ближе и обхватила головку губами. Массируя член рукой, поводила головкой во рту, как умела. Член чуть заметно потвердел.

— Порядок, становись — проговорил мужик, потрепав Антонину по волосам.

Девушка заняла первоначальное положение. Поплевав на ладонь и обмазав пенис, Семён Семёныч пристроил головку к девушкиному влагалищу. Член входил плохо, почти сухое влагалище и слабая эрекция, ввиду нездорового образа жизни, делали своё дело. Тоня хотела, чтобы это поскорее закончилось. Как угодно.

Мужик попался упорный. Протолкнувшись внутрь, задвигался быстрее, обретая необходимую прочность своего «аппарата». Тоню жгло изнутри. Не произнося ни звука, стоя как станок, она думала о том, какие резкие перемены произошли с ней за эти несколько дней. Сзади сопел её бывший начальник, а девушка думала о том, что нужно лечить Серёжку и маму. Чуть расслабила руки, упирающиеся в стену — задвигалась в такт с алкоголиком.

Наконец мужик кончил, обдав струйкой семени её влагалище. Словно выполнив тяжёлую работу, смахнул со лба пот, отстранился. Девушка чуть постояла, не спеша, не меняя положения, одной рукой держась за стену, меняя руки, натянула трусы и джинсы. Встала с коленей, отвернувшись от мужика, застегнулась.

Стараясь не суетиться, подошла к столу и взяла деньги. Странно, но сейчас она чувствовала себя даже горше, чем в момент самого секса.

— Выпить хочешь? — спросил Семён Семёныч, вытирая платком мокрое лицо.

— Налей — ответила Антонина после долгой паузы...

— Ты это, я тебя уволил не потому что... ну ты поняла, не потому что ты отказывала мне, просто приказ с верха пришёл — проговорил он в коридоре, подавая Тоне плащ.

— Знаю — бросила она сквозь зубы...

— Ты ещё зайдёшь как-нибудь? — прокричал Семён Семёныч Тоне, спускающейся быстрым шагом вниз по лестнице.

— Посмотрим — с трудом расслышал он, перед тем, как хлопнула дверь подъезда.

Больше они никогда не виделись.

* * *

— Тонь, а у нас гости — шёпотом проговорила мама, едва девушка вошла в квартиру.

— Мам, кто? — удивилась Антонина.

Из дверей кухни вышел Максим.

— Привет! — сказал он, тепло улыбнувшись.

— Привет... — ответила Тоня, смущаясь...

На подоконнике, в стеклянной банке с водой, стояли тюльпаны. Максим резал принесённый торг.

— Тоня то моя пошла на курсы как их там... — мать пощёлкала пальцами, — проводников, вот! Человеком станет.

— Мама... — Тоня чуть потупила взгляд.

— Да? — Максим удивлённо взглянул на девушку, приподняв бровь...

— Ну, пойду к Марье Васильевне схожу что-ли... — сказала мать, собирая пустые чашки...

Входная дверь закрылась. Сидя с Максимом за кухонный стол, Тоня чувствовала себя крайне неловко. Разговор не шёл.

— А я не знал что сейчас идёт набор — сказал Максим, внимательно глядя на девушку.

— Скоро начинается — ответила Тоня, пытаюсь взять ситуацию под контроль.

Тоня украдкой посматривала на машиниста. Где ж ты раньше-то был?...

— Я на днях зайду ещё, ладно? — спросил Максим, одевая в коридоре фуражку и куртку.

— Да, конечно — проговорила Тоня, — Я буду ждать... — добавила тише, посмотрев Максиму в глаза.

Вдруг, он обнял её за талию, чуть притянув к себе. Она почувствовала, какие у него сильные, крепкие, но нежные руки. От Максима чуть пахло машинным маслом и соляжкой.

— Пока... — тихо сказал он, быстро поцеловав девушку в щёку...

Тоня прошла в ванную и смыла ненавистный ей макияж. Что же я с собой сделала, горько подумала она, закрыв лицо руками...

* * *

— Шестой вагон, седьмое купе — наставляла Алевтина Сергеевна, — там двое, работать будешь с одним. Всё заплачено. Будут предлагать деньги — бери, сама не проси...

За окном мела белая позёмка, совсем не скрашивая унылый пейзаж за окном купе.

Тоня вышла за дверь купе, стараясь не смотреть на пассажиров, чуть покачиваясь, пошла по коридору. В тамбуре, перед шестым вагоном, увидела двоих мужчин.

— Смотри, шалава пошла, она в поездах работает — сказал один другому, плюнув и бросив окурок на пол.

— А ну, сюда пойдёшь — протянул руку второй, схватив девушку за рукав свитера.

Тоня дёрнула рукой, первый мужик обошёл её со спины и загородил путь к побегу в следующий вагон, второй мужчина, держа девушку за руку, заслонил дверь к отступлению.

— Отпусти, отпусти... ! — не своим голосом кричала девушка, вырывая руку.

Другой мужчина просунул руки под локти девушки, зафиксировав свои ладони на лопатках Тони, взяв её в «замок». Впереди стоящий отпустил Тонин рукав, ухмыльнулся. — Сама разденешься или помочь? — с ухмылкой протянул подонок, засовывая правую руку Тоне под свитер и футболку.

Ладонь прошла по животу, пролезла под чашечку лифчика, накрыла и сжала правую грудь.

— Не твоё это, слышишь, не твоё!!! — срывая голос, крикнула девушка, рывком головы отбросила волосы со лба и плюнула в лицо насильника.

— Ах ты... Сука... — протянул мужик, вытаскивая руку из-под девушкиного свитерка и делая шаг назад.

— Ну сейчас ты у меня... — прошипел он, замахиваясь всё той-же правой рукой...

* * *

Когда темнота рассеялась, Антонина увидела прямо перед собой раздавленный окурок сигареты и смачный, крупный плевок. Разбитая губа нещадно ныла, правый глаз болел и слезился, живот ужасно крутило и резало. С трудом встав на четвереньки, девушка закрыла глаза и опустила голову. В голове шумело. И ни одна скотина не зашла покурить, ни до, ни после, подумала она, выплюнув на пол сгусток крови.

С усилием приняв горизонтальное положение, дрожащей рукой открыла дверь и поплелась в

свой вагон. В коридорах никого не было, да и не хотелось ей никого видеть. Трусливые, бесхребетные сволочи!

Добравшись до служебного купе, единственное, что увидела Тоня — это расширенные глаза Алевтины Сергеевны, прежде чем рухнула без чувств на полку лицом вниз...

Когда Алевтина вернулась в купе, Тоня сидела на нижней полке, возле окна, обхватив руками колени. Девушка смотрела в окно, слёзы лились из её глаз, макияж потёк, оставляя на щеках чёрные полосы.

— Я всё знаю, сейчас... — стараясь говорить как можно мягче, женщина достала из ящика, висящего над полкой, аптечку.

Присела рядом, повернула лицо Тони к себе.

— Сейчас, сейчас... — проговорила Алевтина, протирая ватным тампоном разбитую губу девушки.

— Надо в полицию заявить — прошептала Антонина, шмыгая носом.

— Не надо в полицию, нельзя нам в полицию, понимаешь? — женщина поменяла тампон.

— Мне к врачу надо — добавила девушка.

— К врачу потом... Люди ждут, ты что? — мягко, словно разговаривая с ребёнком, парировала женщина.

— Какие люди, Алевтина, посмотри, что у меня с лицом?! — воскликнула Тоня, схватив женщину за плечи, чуть повернув голову, показывая синяк под глазом.

— Синяк мы подретушируем, а в полутьме губа видна не будет — заключила Алевтина, вытаскивая из кармана форменной куртки тональный крем, — а клиентам я уже сообщила, что у нас произошли некоторые... затруднения...

— Ну вот, порядок — закончила проводница, вытирая лицо Антонины носовым платком, — без макияжа, зато как новенькая.

Антонина горько улыбнулась.

— Я сейчас тебе чая принесу, попьёшь и пойдём, я тебя провожу — сказала Алевтина, выходя из купе...

— Ну, давай, не в первый раз уж — ободрила Тоню женщина, стоя возле купе номер семь.

— Здравствуйте! — уже привычно проговорила девушка, войдя в купе.

Их было двое, молодой и в возрасте, сидели рядом. При появлении девушки встали глаза. Помогая себе бёдрами, Илья кончил, в первый раз в жизни в лоно реальной девушки, целуя Тонины губы, щёки, лоб, вдыхая девичий запах волос...

Дверь купе открылась, когда они одевались. Илья застёгивал брюки, Тоня протянула руку за трусиками. Инстинктивно отвернувшись, они обернули головы на вошедшего.

— Ну, сынок, всё путём? — весело произнёс Сергей Петрович и подмигнул Илье.

— Да пап, всё хорошо — со смущением ответил сын, смотря в пол.

Стоя спиной к Сергею Петровичу, Тоня натянула трусы.

— На вот, иди посиди в вагоне-ресторане — папа протянул сыну две купюры по тысяче рублей.

— Пап, ну я... — проямлим Илья, беря деньги.

— Давай, давай, иди! — Сергей Петрович буквально вытолкнул сына за дверь.

Антонина успела одеть джинсы и обувь.

— У меня к вам есть одно предложение... Антонина, да? — проговорил папаша, обращаясь к Тоне.

— Какое ещё предложение?! — со слезами в голосе произнесла девушка, сжимая кулачки и оборачиваясь к мужчине.

— Спокойно, девушка, спокойно — мягко произнёс отец Ильи, перехватывая руки девушки, — деловое предложение.

Он положил на столик купе тысячную купюру, подумав, добавил четыре сотенных.

— Дайте пройти — твёрдо произнесла Антонина, делая шаг к двери.

— Тихо, тихо — мягко произнёс мужчина, взяв девушку за плечи.

Девушка без сил поникла в его руках. Настойчиво, но без агрессии, Сергей Петрович положил девушку животом и грудью на стол, на смятые бумажки, расстегнул и стащил её джинсы...

Когда мужчина развёл руками её ягодицы и прижал головку своего члена к заднему проходу Тони, девушка видела лишь белую пургу за окном купе и думала о том, что даже столь небольшое доброе чувство, которое она чувствовала к тому молоденькому пареньку, можно вот так безжалостно уничтожить, искромсать, убить... Когда девушку пронзила игла боли, боль как будто бы отступила, не долетая до её помутнённого сознания, не проникая за стену снежной крошки, кружащей за окном...

В узенькую щёлочку двери, Илья видел голые волосатые ягодица отца, две пары ног и кусочек светлых волос девушки, девушки, которая в некоторой степени стала его девушкой, и которую сейчас вот так вот беспардонно и бесстыже отнял его отец, отец, который до этого момента был самым лучшим отцом на свете...

Глотая слёзы, Илья поплёлся в соседний вагон.

* * *

Когда зима вошла в свои права, а землю покрыл слой настоящего снега, Антонина стала чувствовать себя плохо. Наступила слабость, головная боль и тошнота...

— Ну, милочка, знаете кто отец ребёнка? — худая женщина средних лет, в белом костюме, оторвалась от бумаг и поверх очков посмотрела на Тоню.

— Я, я... да... знаю — ответила Антонина, сидя на кушетке, теребя воротник кофты...

— Ну, что? — спросила Алевтина Сергеевна, когда девушка вышла из дверей лечебницы. Молчание послужило ей ответом.

— Ты таблетки принимала, про которые я тебе говорила? Твои документы уже в отделе кадров! — прокричала Алевтина вслед Антонине...

— Да блядь она, точно говорю! — шептала Марья Васильевна, сморщенная худая старуха, закутанная в рваное пальто, — ездит на поездах, с людьми в купе кувыркается. Вот, давеча, видала её на станции, спрыгнула она, значит, из вагона, на меня зыркнула так — и в сторону бочком, бочком...

У Максима опустились руки. Бросив взгляд на окна второго этажа, он быстро зашагал прочь, на ходу выбрасывая букет тюльпанов в грязную канаву...

Тоня сидела на стуле в комнате, раскачиваясь из стороны в сторону. Свет не горел. Раздался звук открываемой входной двери. Часы пробили семь вечера. Послышались поспешные тяжёлые шаги, рука нащупала выключатель — в комнате стало светло.

— Ах ты тварь! — с болью в голосе прокричала мать, влетая на середину комнаты, — вот, значит, на какие курсы ты ходишь?!

Прошла за ширму, на Тонину половину комнаты, задвигала ящиками шкафа. Вышла из-за ширмы, дрожащей рукой вытаскивая из железной коробочки ворох больших и малых

денежных купюр.

— Подавись, ты... ! — швырнула девушке в лицо ворох смятых бумажек.

Тоня инстинктивно прикрыла глаза, деньги ворохом упали на её колени, некоторые запутались в волосах.

— Скоро выблядка-то принесёшь? — визгливо выкрикнула женщина, со слезами в голосе.

— Это для Серёжки — чуть слышно, не открывая глаз, прошептала девушка.

— Не нужны там твои сраные деньги и ты нам не нужна... ! — крикнула мать, плюнув в сторону Тони.

Девушка дёрнулась, не открывая глаз, вытерла ладонью со щеки слезы.

Мать хотела крикнуть что-то ещё, но не успела. Тоня вскочила со стула и кинулась в коридор. Наскоро одев сапоги, вылетела за дверь.

* * *

— Скорость? — деловито спросил Максим.

— Шестьдесят пять километров в час! — бодро ответил Миха, помощник машиниста.

— Расстояние до станции?

— Три километра!

— Через минуту подавай один длинный оповестительный!

— Есть!

Максим взглянул в лобовое стекло локомотива. Сквозь падающий снег и темноту, вдалеке фары выхватили худенькую человеческую фигурку.

— Что за чёрт... — проговорил Максим.

— О, Боже!!! Миха, рви экстренный тормоз, быстрее, твою мать!!! — оглушительно крикнул Максим, дёргая ручку хода в тормоз...

С полок попадали лежащие тела, стаканы с чаем покатались по столам, в коридорах люди уцепились за поручни...

Рыдая, Антонина шла по шпалам, закрывая руками обветренное от слёз лицо. Может быть она и слышала скрежет металла, громкий свист пневматики, может быть и видела многотонную громадину в ореоле искр, возникающую сквозь тьму и пелену снега. Может быть... Тоня закрыла глаза, раскинула руки в стороны, она просто шла, шла... Летела.

КОНЕЦ